

Лекция: Психология межэтнических отношений.

Существует психологическая линия детерминации межэтнических процессов, поэтому необходим учет лежащих в их основе когнитивных процессов. Их рассмотрение следует начать с базового процесса категоризации, с помощью которого люди интерпретируют окружающий мир и свое место в нем. Иными словами, это процесс, приводящий к порождению в сознании человека образа мира (*СНОСКА: Как равнозначные употребляются понятия картина мира, модель мира*). А.Н.Леонтьев, отмечая, что «...проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности», подчеркивал, что мерность или категориальность мира суть характеристика образа мира, не имманентная самому образу. Т.е. когнитивный процесс категоризации отражает категориальность объективного мира (Леонтьев, 1983, с.254). Пунктом согласия большинства исследователей, принадлежащих к различным отраслям знаний и теоретическим ориентациям, является подчеркивание важности принципа биполярности, в соответствии с которым протекает категоризация. Предполагается, что в архаическом мышлении понятия рождались парами, так как возникали из сравнения – понятие света появилось одновременно с понятием тьмы, покоя – с движением, жизни – со смертью. Древнейшая система категоризации, основанная на принципе биполярности, сохранила поразительную устойчивость до наших дней. В соответствии с этим принципом происходит и категоризация общностей, членами которых люди себя воспринимают («мы»), и тех, которые они не воспринимают своими («они»).

Распределение людей по группам, категоризация на «мы» – «они» происходит при построении образа социального мира, если вслед за А.Я.Гуревичем, выделяя универсальные, т.е. присущие человеку на любом этапе его истории, но изменчивые по своему содержанию в разных культурах, категории, разделять их на «природный космос» и «социальный космос» (см. Гуревич, 1984).

Из всех близких по значению понятий мы выбрали наиболее широкий термин – «межгрупповые отношения». С точки зрения здравого смысла кажется достаточно очевидным, что межгрупповые отношения – это отношения между группами, в том числе между этническими общностями, т.е. отношения, объектом и субъектом которых являются группы. Однако многие социальные психологи под межгрупповыми отношениями понимают прежде всего – и даже исключительно – отношения между индивидами как представителями конкретных групп. Такой точки зрения придерживался и британский социальный психолог

А.Тэшфел (1919–1982), который все отношения между людьми располагал на континууме, полюса которого составляют межличностные отношения и межгрупповые отношения между представителями конкретных и ясно различимых групп (см. Tajfel, 1981).

Но при такой постановке вопроса практически все отношения между людьми окажутся межгрупповыми. Так как человек одновременно является членом многих групп, то хотя бы одна из его групповых принадлежностей будет отличаться от групповой принадлежности людей, с которыми он вступает в контакт: общаться могут люди одного возраста, одного пола, одной профессии, но если они идентифицируют себя с разными этносами, на их взаимодействие большое влияние будут оказывать как особенности двух групп, так и взаимоотношения между ними.

Даже семейный конфликт придется рассматривать как межэтнический, если муж и жена имеют разную национальность, и один из них в пылу ссоры прибегнет к последнему аргументу: «Все вы русские (татары, грузины и т.д.) такие – ленивые, глупые, жадные и т.п.»

На самом деле любые отношения одного индивида как представителя группы к другому индивиду как представителю другой группы неизбежно приобретают «личностную» окраску, что и порождает такой предмет исследования, как межличностные отношения. Строго говоря, «чистые» межличностные отношения, на которые не влияет принадлежность общающихся к каким-либо группам, можно представить лишь как полюс некоего теоретического континуума, на другом полюсе которого располагаются тоже межличностные отношения, но в максимальной степени подвергающиеся влиянию межгрупповых отношений. А подавляющее большинство случаев взаимоотношений между людьми находятся в разной степени отдаленности от полюсов. Одни и те же люди в одних обстоятельствах будут взаимодействовать в большей степени как индивиды, а в других – в большей степени как члены группы. Степень влияния межгрупповых отношений на отношения межличностные зависит от того, насколько включенные в них люди воспринимают себя и других (и/или воспринимаются другими) прежде всего как членов какой-либо группы. Так, члены групп этнических меньшинств часто считают, и во многих случаях совершенно обоснованно, что отношения к ним окружающих основано на восприятии их группового членства, а не личностных характеристик. Например, подавляющее большинство «нерусских» жителей Петербурга (71,6%), опрошенных в 1995 г., отметили, что сталкивались с антипатией к себе именно по национальным мотивам (см. Сикевич, 1996).

В максимальной степени межгрупповые отношения проявляются в

отношениях межличностных, если группы находятся в состоянии конфликта. Люди старшего поколения, бывавшие в Прибалтике в советские времена, могут вспомнить, что иногда продавщицы в магазинах или прохожие на улицах «не понимали» обращенных к ним по-русски вопросов. Но приезжий из России осознавал, что продавщица, выросшая в многонациональном городе и окончившая советскую школу, просто не могла не знать русского языка. Отказ его использовать отражал сложные межгрупповые отношения и мог рассматриваться как проявление гражданского неповиновения эстонцев, латышей или литовцев, стремившихся к восстановлению государственной независимости.

Отсутствие единодушия при разграничении межгрупповых и межличностных отношений не случайно. Вполне вероятно, что многие психологи рассматривают межгрупповые отношения не как реальные отношения между группами, а как отношения между их членами из-за боязни «потерять» предмет исследования. Действительно, межгрупповые отношения, особенно отношения между этническими и другими большими социальными группами, детерминированы политическими, экономическими, культурными процессами, идущими в обществе, и поэтому составляют предмет изучения прежде всего не социальной психологии, а других наук – социологии, политологии и т.п. Но и у социальных психологов есть поле для деятельности, только их задача – изучение отражения реальных межгрупповых отношений в сознании людей, прежде всего анализ содержания и механизмов межгруппового восприятия. Исходя из определения межгрупповых отношений как отношений между группами, мы будем рассматривать и межгрупповое восприятие как взаимное восприятие групп, а не отдельных их членов – как групповое образование, обладающее характеристиками, отличающими его от восприятия межличностного. Среди них следует выделить, во-первых, структурные характеристики: 1) согласованность – высокую степень совпадения представлений членов какой-либо группы о ней самой или чужой группе; 2) унифицированность – высокую степень переноса представлений о группе на ее отдельных членов. Во-вторых, динамическую характеристику – большую устойчивость (ригидность, консервативность) межгрупповых социально-перцептивных процессов по сравнению с процессами межличностными. И в-третьих, содержательную характеристику – тесную связь когнитивных и эмоциональных компонентов, большую оценочность, чем при восприятии межличностном. Так, согласованными, унифицированными, устойчивыми и эмоционально окрашенными представлениями о группах являются этнические стереотипы, к анализу которых мы еще

вернемся. Феномены межгруппового восприятия детерминированы не только реальными межгрупповыми отношениями и шире – социальным контекстом. Существует и вторая – психологическая – линия детерминации, поэтому необходим учет лежащих в их основе когнитивных процессов. Их рассмотрение следует начать с базового процесса категоризации, с помощью которого люди интерпретируют окружающий мир и свое место в нем. Иными словами, это процесс, приводящий к порождению в сознании человека образа мира (*СНОСКА: Как равнозначные употребляются понятия картина мира, модель мира*). А.Н.Леонтьев, отмечая, что «...проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности», подчеркивал, что мерность или категориальность мира суть характеристика образа мира, не имманентная самому образу. Т.е. когнитивный процесс категоризации отражает категориальность объективного мира (Леонтьев, 1983, с.254). Пунктом согласия большинства исследователей, принадлежащих к различным отраслям знаний и теоретическим ориентациям, является подчеркивание важности принципа биполярности, в соответствии с которым протекает категоризация. Предполагается, что в архаическом мышлении понятия рождались парами, так как возникали из сравнения – понятие света появилось одновременно с понятием тьмы, покоя – с движением, жизни – со смертью. Древнейшая система категоризации, основанная на принципе биполярности, сохранила поразительную устойчивость до наших дней. В соответствии с этим принципом происходит и категоризация общностей, членами которых люди себя воспринимают («мы»), и тех, которые они не воспринимают своими («они»).

Распределение людей по группам, категоризация на «мы» – «они» происходит при построении образа социального мира, если вслед за А.Я.Гуревичем, выделяя универсальные, т.е. присущие человеку на любом этапе его истории, но изменчивые по своему содержанию в разных культурах, категории, разделять их на «природный космос» и «социальный космос» (см. Гуревич, 1984). Этнические общности занимают важное место среди множества социальных категорий – социальных классов, профессий, социальных ролей, религиозной принадлежности, политических пристрастий и т.п. При построении иерархии социальных категорий они оказываются на одном из верхних уровней, вслед за категоризацией людей как членов рода *Homo sapiens* (см. Rosch, 1978).

А по мнению российского историка Б.Ф.Поршнева, этнические категории и появились следом за этой глобальной категорией и ее противоположностью (люди – нелюди). Поршневу попытка вывести

психологические детерминанты межгрупповых отношений из материалов человеческой истории и рассмотреть процессы, связанные с идентификацией индивида с группой, начиная с самых истоков становления человечества как социальной общности. Согласно его гипотезе, субъективное «мы» появляется, когда люди повстречались и обособились от каких-либо «они», т.е. осознали бинарную оппозицию «они – нелюди, мы – люди»:

«Первое человеческое психологическое отношение – это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животнобразным предкам и тем самым ощущение ими себя именно как людей, а не как членов своей общины» (Поршнева, 1979, с.83).

По мере вымирания и истребления палеоантропов та же психологическая схема распространилась на отношения между группами людей: общинами, родами, племенами. Но и в этом случае «мы» – это всегда люди, а в принадлежности к людям членов чужой группы у первобытного человека могли возникнуть сомнения. Пример, подтверждающий гипотезу Поршнева, можно привести из исследований австралийских аборигенов:

«Аборигены считали соседние группы, сходные по языку и культуре, близкородственными и называли их «дьянду». Для всех других групп у них имелся термин «нгаи», означавший «чужаки, враги»... Вместе с тем отношение к нгаи было дифференцированным. Тех из них, кто жил по соседству и с кем контакты имелись, аборигены считали «бин», т.е. людьми по своему физическому облику. Что же касается населения, жившего вдалеке, то аборигены сомневались в его принадлежности к разряду людей» (История первобытного общества, 1986, с.466). На это указывают и весьма многочисленные этнонимы со значением «люди», например, у многих народов Сибири и Дальнего Востока – нанайцев, нивхов, кетов и др. А самоназвание чукчей – луораветланы – «настоящие люди». Отзвук подобного отношения к чужим мы обнаружим и в русском названии народа, который сам себя называет deutsch (*СНОСКА: Кстати говоря, самоназвание немцев восходит к древне-германскому слову teuta – «люди, народ» (см. Агеева, 1990).*). В древнерусском языке словом немец обозначали как человека, говорящего неясно, непонятно, так и иностранца: чужестранцы, не говорящие по-русски, воспринимались почти немцами, а значит, если и людьми, то достаточно ущербными.

В концепции Поршнева речь идет о процессах категоризации (на «мы» и «они»), социальной идентификации и социальной дифференциации, если использовать категориальную сетку британских исследователей А.Тэшфела и Дж.Тернера, получившую широкое распространение в

мировой социальной психологии (см. Tajfel, Turner, 1986). Употребляя разные термины, они выдвигают общий психологический принцип, согласно которому дифференциация (оценочное сравнение) категоризируемых групп неразрывно связана с другим когнитивным процессом – групповой идентификацией (осознанием принадлежности к группе). Или, по меткому выражению Поршнева: «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» (Поршнев, 1973, с. 14).

Позиции советского и британских исследователей не полностью совпадают. Поршнев настаивает на первичности «они» по отношению к «мы», т.е. на первичности межгрупповой дифференциации. Поддержку этой точке зрения можно найти в истории первобытного общества, для которого очень долго было характерно диффузное этническое самосознание. Например, у раннеземледельческих групп:

«Нередко самоназваний вообще не было, но зато всегда имелись названия для иноязычных и/или инокультурных соседей, что указывает на наличие этнического сознания. Иногда группа использовала в качестве самоназвания прозвище, данное ей соседями, если только оно не имело ярко выраженного негативного оттенка» (История первобытного общества, 1986, с. 476-477) *(СНОСКА: Гипотезе о первичности осознания межгрупповых различий по отношению к осознанию межгруппового сходства соответствуют и эффекты, обнаруженные на других уровнях психологического анализа. Так, по утверждению Л.С.Выготского, ребенок осознает различие раньше, так как само осознание отношения сходства требует более сложной и позже развивающейся структуры обобщения, чем осознание отношений различия (см. Выготский, 1982). А при изучении стереотипов было обнаружено, что на первоначальном этапе идентификации себя с группой другая группа («они») имеет более выраженную качественную определенность (см. Агеев, 1990)).* А Тэшфел все когнитивные процессы выстраивает в цепочку, в которой идентификация предшествует дифференциации. Но это различие не столь важно, так как выделение последовательности когнитивных процессов – научная абстракция: в реальности два процесса неотделимы друг от друга, и в зависимости от обстоятельств один из них может быть более определенным, осознанным, чем другой.

В ситуации конфликта одна из сторон может быть отвергаема очень широким блоком этнических общностей, для которых важнее обособление от «они», чем уподобление: «именно... «они» наделяются однозначной этнической характеристикой, и поэтому борьба с ними воспринимается как борьба с конкретным носителем чуждой культуры и

чужих национальных интересов» (Ямское, 1997, с.217). Например, живущие в Приднестровье русские, украинцы и даже молдаване объединились в борьбе с руководством Республики Молдова против «румынизации».